
АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС

ЧАСТЬ III

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

ДРУГОЙ ПУТЬ

* * *

В эпоху кризиса, в пору перемен, когда рушатся привычные представления и накрывается, лишая опоры, сам строй жизни, что более всего необходимо человеку? Надежда. Уверенность — или хотя бы уверение в том, что возможно иное развитие событий. ДРУГОЙ ПУТЬ.

“Коммунизм отвергнут, — подвёл итог 90-х Уго Чавес. — Но падение Берлинской стены отнюдь не означает победы капитализма”.

Эти слова, произнесённые в 1999 году, дали надежду миллионам. Тем, кто не сумел вписаться в рыночную действительность, опоздал занять тёпленькое местечко, втиснуться в узкий зазор плотной (для своих!) цепочки: купи-продай. Или не захотел — представьте, бывают и такие! — принять торжество неолиберализма, наиболее агрессивной и бесчеловечной формы капитализма, с омерзением отшатнулся от уродливых ликов новых хозяев жизни, “свиночеловечества”, как ещё в начале минувшего века определил дельцов русский мыслитель о. Сергей Булгаков.

Сегодня формула Чавеса не менее актуальна, чем десять лет назад. Тем более что за прошедшие годы друзья и коллеги венесуэльского президента — лидеры Бразилии, Аргентины, Боливии Лула да Силва, Кристина Киршнер, Эво Моралес и другие вожди “левого поворота”, сумели наполнить её конкретным содержанием. Теоретическим и, главное, практическим.

В теоретическом плане поворотным пунктом стал Консенсус Буэнос-Айреса, совместная декларация представителей социалистических движений бунтарского континента, определяющая задачи на перспективу. Мы говорили об этом документе в первой из латиноамериканских глав. Его суть: усиление социальной ответственности государства.

Продолжение. Начало в № 11–12 за 2006 год, № 3–4, 6–7 за 2007 год, № 1–2, 6 за 2008 год.

Легко сказать, да нелегко сделать! Практическая реализация программы принесла далеко не столь весомые плоды, как надеялись избиратели, отдавая голоса левым. И всё-таки сделано немало. Борьба с бедностью развёрнута почти во всех странах континента. Наиболее амбициозные проекты – бразильский “Голод–ноль”, аргентинский “Помощь домохозяйствам”, в рамках которого 2 миллиона бедняков получают месячные субсидии в размере 50 долларов (“Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности”. М., 2006), многочисленные программы поддержки неимущих в Венесуэле.

Выплатами пособий не ограничиваются. В Аргентине и Венесуэле осуществляется масштабное строительство доступного жилья. В Бразилии и других странах региона с успехом создают новые рабочие места, чтобы снизить безработицу.

Я намеренно заостряю внимание на общих моментах в усилиях социалистических правительств по выполнению своих обязательств. Дело в том, что даже те немногие интеллектуалы, кто следит за событиями в Латинской Америке, как правило, знакомы с ситуацией лишь в одной стране. Они не видят всего горизонта преобразований, рассуждая: одна удача погоды не делает.

Такому отношению способствует позиция профессиональных латиноамериканистов. Ни в России, ни тем более на Западе они не испытывают особых симпатий к левым. Обычно в их публикациях акцент сделан на различиях (а зачастую – противоречиях) в лагере социалистов. Хорошим тоном считается противопоставление “умеренных” президентов Аргентины и Чили “радикалам”, правящим в Боливии и Венесуэле. И мало кто из аналитиков отказал себе в мстительном удовольствии столкнуть двух лидеров Латинской Америки, людей, олицетворяющих стремление к переменам – Лулу и Чавеса.

Между тем общие моменты в деятельности “красных” и “розовых” ничуть не менее значимы, чем различия между ними. Подчеркну – различия, а не непримиримые противоречия, как утверждают пристрастные специалисты. Несовпадение позиций вполне естественно: каждая из латиноамериканских стран реализует собственный проект, исходя из национальных условий и потребностей. В разнообразии “кумачовых расцветок” – не слабость, а сила левого движения континента. Социализм здесь не навязан извне в виде “единственно верного учения”, он – воплощение собственных (у каждого своих) устремлений к установлению справедливых отношений между людьми и человеческой организации общества.

В обобщённом виде платформа левого движения представлена в содержательной работе В. Давыдова “Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона” (“Латинская Америка”, № 7, 2007). Автор, директор Института Латинской Америки, объективно подводит итог академических дискуссий.

Давыдов выделяет как основные: приоритет интересов социально обездоленного большинства, утверждение ценностей справедливости в распределении материальных и духовных благ, стремление к обеспечению не формального, а действительного равенства шансов в реализации гражданских прав и социальных гарантий, признание идеала солидарного общества, способного преодолевать ситуации социальной исключённости как для широких слоёв населения, так и для отбрасываемых на обочину групп.

Наиболее яркий и внутренне цельный проект другого пути, ориентированного на идеалы левого движения, предлагает лидер Венесуэлы Уго Чавес. Он пафосно представляет его как “Социализм XXI века”.

Для политологов, да и для политиков по всему миру, этот амбициозный проект, на живую (но именно – живую!) нитку связывающий практические задачи и идеологические построения, стал вызовом, своего рода красной тряпкой. Его яростно отрицают. Его объявляют ярким фантомом. Самые ответственные пытаются его понять.

Профессор Католического университета Каракаса Оскар Рейес систематизировал отрывочные высказывания и практические меры Уго Чавеса, восстановил кое-где опущенные в пылу полемики связи. Его версия “Социализма XXI века” представлена в уже упоминавшейся работе В. Давыдова.

Поскольку профессорский пересказ профессорских штудий – чтение, не лёгкое вдвойне, позволю себе изложить суть своими словами. **В основе венесуэльской концепции социализма два ключевых понятия: плю-**

рализм и ответственность. О политическом плюрализме скажу позднее. В экономике – это многоукладность. Частная, государственная, коллективная и коммунальная (общинная) собственность существуют на равных. Частно-государственный капитализм поставлен под контроль государства и общества, но пользуется общими правами. Необходимое условие: не притеснять работников и поддерживать социальную стабильность. Это – ответственность перед обществом и государством.

Создаются альтернативные структуры – так называемые “альтруистические” предприятия, не ставящие целью получение прибыли. В Венесуэле они управляются совместно – государством, предпринимателями и работниками. Звучит экзотично, но на практике это нечто близкое кооперативным предприятиям, которые существуют по всему миру и демонстрируют высокую эффективность. И это притом, что уставные документы кооперативного движения ставят на первый план не прибыль, а социальные обязательства перед населением (Теплова Л. и др. Кооперативное движение. М., 2003).

К слову, эффективность – условие существования всех форм собственности в Венесуэле. Хочешь избавиться от эксплуатации – пожалуйста: твори, выдумывай, пробуй! Но не садись на шею государству. Будь добр обеспечить производительность труда не меньшую, чем у капиталиста. Это опять-таки ответственность перед страной.

Распределение должно базироваться на принципе справедливости. Это относится к материальным благам и к политическим ресурсам. Люди должны иметь доступ к управлению, начиная с коммун и заканчивая государством. Особую роль в обеспечении справедливого распределения играет система доступного образования. Она даёт возможность выходцам из социально обездоленных слоёв занять достойное место в обществе и государстве.

Звучит, согласитесь, привлекательно. А как эти положения осуществляются на практике? Об организации “альтернативных” предприятий, как правило небольших, в мировой прессе не пишут. А вот о национализации гигантов индустрии шумят по всему свету. Находится работа и для журналистов, и для политиков, и даже для судей и адвокатов – недовольные подают иски в международные суды, требуя колоссальных компенсаций – до 12 миллиардов долларов, как в случае с американской фирмой ExxonMobil (“Коммерсантъ” 9.02.2008).

Национализация – стратегический ответ Чавеса и тем, кто обвиняет его в социалистическом прожектерстве, и тем, кто ждёт от него конкретных мер по улучшению жизни. Государство собирает в один кулак ресурсную базу, откуда можно черпать топливо для ТЭЦ и автомобилей, сталь для индустрии, цемент для строительства. И деньги, разумеется. Без них реформы неосуществимы.

Кто-то скажет: ага, мы это уже проходили! Отнять у эффективного собственника, посадить чиновника и угробить производство!

Во-первых, и у нас всё было не так: иначе не состоялась бы индустриализация 30-х с 400-процентным ростом производства – данные не советской, а западной статистики (“История Европы”, пер. с фр.: Минск–Москва, 1996). Во-вторых, Чавес проводит национализацию совсем по другим образцам. **Корректно: бывшим собственникам выплачивают выкуп, иной раз в размере миллиарда долларов. Так было в случаях с фирмами Total и Statoil (“Коммерсантъ”, 11.04.2008). Точечно: никакой компанийщины – выполнения и перевыполнения плана. Эффективно: под контроль государства переходят базовые производства – нефтянка, электротехническая промышленность, металлургия, стройиндустрия.**

Показательно – в подавляющем большинстве случаев приватизируют фирмы, принадлежащие иностранному капиталу. Чавес обеспечивает не только ресурсную базу реформ, но и укрепляет позиции государства в экономике. Национальные предприятия он, как правило, не трогает.

Журналисты и политологи, пишущие о венесуэльских реформах, упорно игнорируют это обстоятельство. Они окарικатуривают образ Чавеса, изображая его либо примитивным “потрошителем буржуа”, либо непоследовательным руководителем, не способным реализовать на практике радикальные

идеи. Характерна заметка в газете “Уолл-стрит джорнэл”, перепечатанная в “Коммерсанте”.

Заголовок выстреливает: “Банкир живёт на широкую ногу при социализме Чавеса”. Автор всё в том же разоблачительном духе сообщает: “Несмотря на громогласные заявления Уго Чавеса о том, что он намерен построить бесклассовое общество, богатый венесуэльский банкир Виктор Варгас продолжает процветать. 55-летний владелец Banco Occidental de Descuento любит играть в поло, путешествовать по стране на собственном самолёте. Никакой социализм ему не помеха” (“Коммерсантъ”, 30.01.2008).

На самом деле Чавес и последователен и практичен. Миллиарды банкира работают на Венесуэлу. Можно не сомневаться: если Варгас захочет изменить ситуацию, то Чавес его по правит. А вот уводить деньги, извлечённые из венесуэльских недр, за границу – обычная практика иностранных фирм – президент не даёт.

Сразу оговорюсь: до идиллии в отношениях национальной буржуазии и красного президента далеко. Но со временем страсти поутихли. Элиты уже не пытаются каждые полгода свергнуть Чавеса. А он, в свою очередь, не доводит дело до классовой борьбы, какой мы её знаем по учебникам отечественной истории.

Между прочим модель, предложенная Чавесом, характерна для развивающихся стран социалистической ориентации. Ту же линию на ужесточение контроля над иностранным капиталом и на сотрудничество с собственной буржуазией в 60–70-е годы проводили Г. А. Насер в Египте, Х. Бумедьен в Алжире, молодой Саддам Хусейн в Ираке и Фидель Кастро на Кубе – в ранний период его деятельности.

Такая политика отвечает прежде всего практическим интересам стран третьего мира. Можно найти и идеологическое основание: это малоизвестная у нас, но принципиально важная работа Мао Цзэдуна “Народная демократия”. Будущий повелитель “красного дракона” выступает в ней за союз коммунистов с национальной буржуазией и крупными владельцами земли. В случае прихода к власти он обещает сохранение частной собственности и создание общества, совмещающего в себе черты советского образца и западной демократии (Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пер. с кит.: т. 3, М., 1953).

Работа появилась в 1940 году, когда “старший брат” в Москве был занят большой геополитической игрой с Западом и Германией, а потому ослабил контроль за идеологическим курсом братских компартий. Впрочем, и сам Мао впоследствии отказался от “ревизионистских” положений своей довоенной работы. Но они, полагаю, благодаря очевидной практичности оказались привлекательными, как для нового руководства Китая, так и для левых правительств развивающихся стран.

К слову, о практичности. Деловая жилка побуждает венесуэльского президента избегать резких ходов в экономике. Даже иностранцев, вытесненных из нефтянки, он не хочет отталкивать окончательно. Ещё бы, в их руках новейшие технологии, необходимые для развития страны! Поэтому Чавес предлагает зарубежным фирмам остаться в отрасли в качестве миноритарных акционеров (“Коммерсантъ”, 22.02.2008).

Экономические резоны венесуэльский лидер показательно увязывает с принципом справедливости. Чавес подчёркнуто жёстко провёл национализацию сталелитейного завода аргентинской компании Ternium, обвинив иностранных владельцев в “высокомерном и бесчеловечном отношении к венесуэльскому пролетариату”. “У нашего правительства на первом месте рабочий человек”, – добавил ближайший сподвижник президента. В итоге сталевары устроили многотысячную манифестацию под лозунгом “Виват, президент!” (“Коммерсантъ”, 11.04.2008).

Только в двух сферах – аграрной и информационной – Чавес теснит крупных собственников независимо от того, иностранцы это или коренные жители. Понятно: от ситуации в этих отраслях напрямую зависит жизнь страны. Аграрный сектор обеспечивает продовольственную безопасность. СМИ – социальный мир.

Какой ущерб могут нанести телевидение и пресса, находящиеся в руках олигархов, Чавес убедился во время путча 2002 года. Но и здесь он действует

расчётливо и тактично. Не национализирует телекомпании, а создаёт им эффективного конкурента в лице общественного телевидения. Непримиримых (телекомпания RCTV) он лишает частоты вещания. Не закрывает — как кричала об этом мировая, в том числе и российская, печать — а переводит в кабельные сети. В конце концов оппозиционеры — состоятельные люди, они могут и заплатить за удовольствие поглядеть, как президента чихвостят с телеэкрана...

Масштабная реформа проводится в аграрном секторе. До недавних пор плантации латифундистов зарастали кустарником, а бедняки не могли прокормиться с крошечных наделов. Чавес положил конец этому противоестественному положению. В 2005 году было конфисковано и передано беднейшим крестьянам 250 тыс. акров земли (К о р р а л е с Х. Диктатор нового типа. — Полит.ru.).

И в данном случае Чавес не преминул придать экономической акции социальный и даже этический характер. «Эта собственность принадлежит всем гражданам, и она должна приносить всем прибыль, — подчеркнул президент. — Производство не может приносить прибыль одному человеку или маленькой группе людей, которые богатеют и начинают эксплуатировать батраков, превращающихся в рабов» («Коммерсантъ», 27.03.2007).

Обращаю особое внимание российских читателей на это заявление. У нас в стране происходит обратный процесс. Сельское население стремительно маргинализируется. Недавно я присутствовал на совещании аграрников, проводившемся под эгидой Совета Федерации и Минсельхоза. Выступавшие с болью говорили о том, что русские крестьяне фактически превращаются в рабов новых латифундистов.

Нередко обозреватели представляют дело так, будто Чавес захватывает экономические объекты и природные ресурсы. «Стальная хватка Уго Чавеса», «Хозяин баррель», — заголовки статей в том же «Коммерсанте» буквально кричат об этом. Такая трактовка, очевидно, предвзята и даже абсурдна. Можно подумать, что Чавес кладёт предприятия в собственный карман! На самом деле полученные в результате национализации средства он использует для финансирования многообразных социальных программ.

Забота лидера любой страны третьего мира — накормить людей. Чавес выдвинул лозунг «Накормим 10 миллионов голодных». И бедняки действительно получают поддержку.

Откроем исследование «Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности» (М., 2006). Авторы — сразу подчеркну — не питают особых симпатий к венесуэльскому президенту. Однако перечень его социальных инициатив занимает в книге несколько страниц. Чавес создал сеть магазинов, торгующих продовольствием по фиксированным ценам. Только в 2004-м они обслужили свыше 9 миллионов человек. Чтобы избавиться от посредников в торговле (кто, как не россияне, знает, какие фантастические проценты они накручивают!), венесуэльское правительство регулярно проводит ярмарки, где производители из провинции сами продают свой товар. Примечательная деталь: к осуществлению программы привлечена армия.

Сравнение тут не в нашу пользу — в России вроде бы приняли закон, объявляющий дирекции рынков предоставлять значительное число мест окрестным фермерам. Но не разработали механизм реализации, а главное, не защитили производителя. Попробуй пробейся на рынок буквально сквозь строй бандитов! А при виде «человека с ружьём» любой бандюган стушется.

Накормить голодного — мало. Ему надо дать хотя бы немного денег. И не только «на обзаведение», но, к примеру, на открытие собственного дела. Руки к работе привычны. Вот вам и массовая база для развития мелкого бизнеса, о котором так много говорят и российские начальники. Наши говорят, а венесуэльцы — делают. Создана сеть финансовых институтов, призванных кредитовать на льготных условиях малоимущих, в том числе инвалидов, матерей-одиночек. Женский банк выдал 12 тысяч кредитов на сумму 10 млрд боливиров малым предприятиям. Банк суверенного народа — 5 тысяч кредитов на 22 млрд. Фонд микрофинансового развития — 6 тысяч на сумму 25 млрд.

Не обойдены государственной поддержкой рабочие и служащие. Чавес регулярно повышает минимальную заработную плату. Только в 2004-м и только из бюджета нефтяного гиганта PDVS на социальные программы выделены 1,7 млн долл.

Безработица – бич Латинской Америки. В Венесуэле созданы многочисленные Центры временной занятости. Предприятиям, берущим на работу тех, кто стоит на учёте, предоставляют существенные налоговые льготы. Первые же шаги в этом направлении позволили создать 100 тысяч рабочих мест.

Власти активно строят дешёвое жильё для малоимущих. Цены, по которым предлагают “социальное жильё” у нас, в Венесуэле вызвали бы смех и возмущение. Российские чиновники разводят руками: дорог цемент и другие стройматериалы. А Чавес взял да и рубанул по спекулянтам: национализировал мексиканскую цементную компанию Cemex – и стоимость стройматериалов резко снизилась!

Особое внимание уделяют образованию. Это понятно. Будущее любой страны в развитии высоких технологий. Вроде в Венесуэле, с её колоссальными нефтегазовыми запасами, могли бы и “не заморачиваться”, как с недавних пор говорят в России. Но Чавес энергично и упорно создаёт слой высококлассных специалистов – тех, кто уже сегодня готов работать на самом современном оборудовании и кого можно будет поставить к пультам управления суперпредприятий будущего. Поддержка студентов осуществляется в рамках “Программы Сукре”.

Одновременно к базовому уровню образования подтягивают тех, кто был лишён возможности учиться. “Программа Робинсон” предназначена для обучения малограмотного взрослого населения. Уже в 2005 году ЮНЕСКО провозгласила территорию Венесуэлы свободной от неграмотности (NEWSru.com). **Достижение. Особенно если учесть, что даже североамериканские соседи не могут похвастать стопроцентной грамотностью.**

Еще одна гордость Чавеса – здравоохранение. Оно создавалось при помощи кубинских медиков – лучших, по общему признанию, в регионе. Недаром около 20 тысяч кубинских врачей работают по государственным контрактам в 60 странах мира! 13 тысяч – в Венесуэле (NEWSru.com).

Выросло и поколение собственных специалистов. Программа “Помощь внутри квартала” обеспечивает доступность медицинских услуг в самых бедных районах. Открыты современные диагностические центры. Операции проводят бесплатно – всем, кто в этом нуждается. И не только венесуэльцам. В страну ежегодно приезжает 400 тысяч больных со всей Латинской Америки, чтобы получить бесплатную медицинскую помощь в рамках программы “Миссия чуда”. Сообщая об этом, английская газета “Гардиан” с неприязнью комментирует: “Гуманитарные программы всего лишь ширма для политических целей” (статья перепечатана в “Коммерсанте”, 25.03.2008). Предположение, ни на чём не основанное! А главное, что мешает той же Англии, Соединённым Штатам или капиталистической соседке Венесуэлы – Колумбии самим осуществлять подобные программы? Агитация при помощи милосердия наиболее эффективна.

Удивительно, но и в России скептически оценивают социальные программы Чавеса. Авторы книги “Латинская Америка XX века” с откровенной недоброжелательностью итожат перечень венесуэльских гуманитарных программ: “Приведённые президентом в докладе цифры впечатляют, создавая ощущение особой заботы властей о неимущих слоях. Но если к ним присмотреться внимательнее, то картина получается не столь радужной. Вот данные Национального института статистики. К моменту прихода к власти команды Чавеса процент бедности составлял 42,8%, а к концу 2004 г. он достиг 53%”.

Что тут сказать? Что 2004 год – не самый лучший для подведения итогов: ещё продолжали сказываться последствия забастовки 2002–2003 годов. По признанию самих авторов, “она нанесла огромный урон народному хозяйству”. В последующий период положение начало выправляться.

Да и негоже нам, россиянам, смотреть на венесуэльцев, как на бедных сирот. По данным западных социологов, индекс качества жизни в Москве и Каракасе одинаков: 54,81 пункта в Москве и 54,94 пункта в Каракасе (“Коммерсант”, 10.06.2008). И это при том, что у нас за плечами мощный задел советского периода, когда отечественная экономика была в т о р о й в мире, а Чавес вытаскивает Венесуэлу из отсталости.

Вместо того чтобы притворно вздыхать о венесуэльских бедняках, следовало бы порадоваться, какое внимание уделяет им правительство. Тут и позавидовать не грех!

И не только венесуэльцам. Читатели, наверное, заметили, что венесуэльские программы поддержки малоимущих совпадают с мерами, предпринятыми иранским президентом М. Ахмади Нежадом. Я рассказал о них в “исламских” главах “Возвращения масс” (“Наш современник”, № 6, 2007). Схожие программы осуществляются и в других странах третьего мира.

Даже на благополучном (как выясняется, весьма относительно) Западе неудачников не бросают на произвол судьбы. О скандинавской системе социальной поддержки написано немало, в том числе мною (“Наш современник”, № 8, 2006). Но и в Соединённых Штатах, живущих по законам неоллиберализма, беднякам выдают бесплатные талоны на еду и лекарства.

Из последних событий: энергетический кризис, который я предрекал в предыдущей публикации, разразился-таки в июне. После энергичных протестов рыбаков против стремительного подорожания топлива Еврокомиссия разрешила национальным правительствам в три раза увеличить выделяемые им субсидии. В Италии правый кабинет С. Берлускони ввёл налог на сверхприбыли нефтяных компаний, средства от которого пойдут на помощь беднякам (“Евроныос”, 20.06.2008). Любопытная параллель: в то же самое время В. Путин снизил налог на нефтяные компании. Богатые в России станут богаче, бедные – ещё бедней.

Тут важен даже не экономический эффект. Экономика – система инерционная, в считанные месяцы и даже годы решить такие проблемы, как бедность или занятость, невозможно. Важно внимание к людям. Или его отсутствие.

Впрочем, внимание бывает разным. Неимущий на Западе получает солидную помощь. Но в глазах окружающих (а зачастую и в своих собственных) он – проигравший, лузер. Не то в Венесуэле. Быть может, важнейший итог социальных реформ Чавеса в том, что он вернул простонародью уверенность в себе, в своей нужности стране. Пробудил ответственность за нее и внушил ощущение, что и от бедняков зависит судьба Венесуэлы.

Вот почему красного президента поддерживает большинство населения. Даже его враги вынуждены признать: “По мнению многих аналитиков, способность Чавеса удерживать власть в своих руках объясняется просто: его любят бедные” (Корралес Х. Диктатор нового типа. – Полит.ru).

Корралес прав: венесуэльский лидер завоевал сердца бедноты. Но вовсе не потому, что он диктатор. Даже нового типа. Скольких диктаторов видела Латинская Америка! И мало кто из них заслужил народную любовь. Для этого “увеличения бюджетных расходов” и “риторики солидарности с народом” – мер, отмеченных политологом, недостаточно.

Чавес не только обеспечил простонародью государственную поддержку, он вовлек массы в управление государством. Предложил народу модель, которую назвал “демократией участия”. В той или иной мере она осуществляется во всех странах “левого поворота”, но наиболее полно и последовательно в Венесуэле. Поэтому я и уделяю столько внимания происходящему в этой стране.

С чего начал политическое восхождение Чавес? Организовал по всей стране так называемые Дома V Республики. Партийные штабы, но и нечто большее – место встреч жителей, площадку для дискуссий о положении в городе и стране и – что особенно важно – для получения консультаций, а то и прямой помощи.

После победы на выборах чависты занялись созданием боливарийских кружков. В несметном количестве они появляются в городских кварталах, на предприятиях и в учебных заведениях. Известный латиноамериканист Э. Дабагян свидетельствует: “Важнейшая роль в политической стратегии Чавеса отводится так называемым боливарийским кружкам или ячейкам. Созданные по личной инициативе главы государства, они ... призваны обеспечить претворение в жизнь директив, исходящих сверху, превратиться в глаза и уши режима. Этим структурам уделяется особое внимание. Они мыслятся как непосредственный канал связи народа и президента (разрядка моя. – А. К.). Минувя промежуточные бюрократические инстанции, Чавес общается с кружками напрямую, получает оттуда письма, направляет в их адрес

финансовые ресурсы” (Дабагян Э. Уго Чавес: политический портрет. М., 2005).

Читатели могли уловить в тексте неодобрение. Дабагян пытается изобразить кружки в качестве послушного орудия властной вертикали. Однако если мы вспомним об энергичном политическом брожении в Венесуэле, это утверждение придётся сразу же отменить. Когда общественные группы идут стенка на стенку, кого заставишь играть роль механического передаточного звена, транслирующего инициативы сверху? Нет, в том-то и дело, что боливарианские кружки служат каналом двусторонней связи. Показательно упоминание о письмах к президенту. Члены кружков передают наверх свои пожелания и требования. Если кружки и служат “глазами и ушами режима”, то лишь потому, что это их режим, народная власть. Власть, заинтересованная в том, чтобы видеть ситуацию в стране глазами простых людей.

Не надо путать нашу “управляемую демократию”, где на митинги в поддержку властей людей направляют по разнарядке с предприятий, и венесуэльскую “демократию участия”, которую простонародье поддерживает, жертвуя выходными и за свой счёт покупая билет до места сбора демонстрантов.

Организационные структуры охватывают само основание общественной жизни. Домкомы и уличкомы возникают повсюду, особенно в бедняцких кварталах.

Вы скажете: “Домкомы есть и у нас. А теперь повсеместно насаждаются ТСЖ – товарищества собственников жилья”. Но на кого замыкаются эти организации? В лучшем случае на чиновника районной управы, которому, как правило, нет дела до надоедливых общественников. А в Венесуэле их мнения доходят до президента.

И он, в свою очередь, обращается к ним... Действенная связь должна быть двусторонней. В одной из еженедельных программ “Алло, президент” Чавес призвал население: “Не ждите завтрашнего дня. Призовите своих соседей. Призовите своих друзей. Организуйте кружки и ищите пути приведения в порядок ваших улиц, способы содействия производству, отстаивания своих прав” (Дабагян Э. Ук. соч.).

Инициатива Чавеса опирается на живую традицию левого движения Венесуэлы. Ещё в 70-е годы XX века политический деятель А. Манейро выдвинул лозунг: “Муниципализация демократии и демократизация муниципалитетов” (там же). Иными словами, демократические принципы из лозунга “большой политики” должны стать принципом организации быта простых людей. Органы управления необходимо сделать максимально доступными.

Разнообразные формы общественной самоорганизации и гражданской взаимопомощи широко распространены по всей Латинской Америке. Между прочим, само движение зародилось именно на бунтарском континенте. Его пионером и теоретиком принято считать Д. Фрэера, бразильского проповедника, стремившегося воплотить идеи “теологии освобождения” в организации жизни городских соседских общин (Кокарев И. Соседские сообщества: путь к будущему России. М., 2001).

Авторы книги “Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности” сочли необходимым одну из глав посвятить такому явлению, как “гражданская взаимопомощь”. Они отмечают: “Если взглянуть на быт и порядки бедных городских окраин с их многомиллионным населением, то поначалу может показаться, что каждый бьётся в одиночку за собственное выживание, за личное и семейное благополучие. Так оно и есть на самом деле, но все эти разрозненные усилия... сливаются в единый и внутренний спаянный поток (разрядка моя. – А. К.)... Существование бразильских фавеладос и обитателей “крысиных поселков” Буэнос-Айреса является в высшей степени коллективистским. Взаимопомощь в такой ситуации оказывается абсолютно необходимой и для слабых, и для сильных особей всего коллективного организма. Она имеет отличные от других стран внутренние связи, динамичные формы приспособления”.

Я прошу читателей ещё раз вернуться к этой цитате. Ведь мы в России тоже оказалась в положении жителей “крысиных поселков”. Но каждый колотится со своими проблемами в одиночку. Не ожидая помощи ни от государства, ни от соседей, и, кажется, не веря уже в то, что какая-либо помощь возможна.

А она возможна! Для того я и рассказываю о бунтарском континенте, чтобы показать, как она осуществляется. И как нужно бороться за то, чтобы организовать, направить, расчистить каналы, по которым она поступает. Ведь помощь не сваливается с неба, это результат политической борьбы и самоорганизации общества.

О таких формах, как “собрания соседей” в Аргентине, мы уже говорили. Ещё более впечатляет опыт Порту-Алегри в Бразилии. Этот город получил известность, как место проведения всемирных антиглобалистских форумов. Но он заслуживает не меньшего внимания как успешный пример самоорганизации жителей.

Бюджет полуторамиллионного мегаполиса формируется самими горожанами. Они называют его “открытым”, а политологи, пристально следящие за экспериментом, партиципативным. Жители каждого района на собраниях избирают “ассамблею”. Она определяет, на что пойдёт их часть бюджета. Затем участники всех “ассамблей” города встречаются и утрясают общие вопросы. Никаких “откатов”, интриг, закулисных сделок (подробнее об этом в моей книге “На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство”, М., 2004).

... Помню, возвращаясь из поездки, я рассказал об “открытом бюджете” соседу по купе – инициативному парню из подмосковных Мытищ. Заговорили о жизни, о власти, и я сказал: вот как решают вопросы в других странах.

Он не поверил: “Да они ни до чего не договорятся!” – “Почему же, – возразил я. – Они договариваются. Порту-Алегри не первое десятилетие живёт таким образом”.

Конечно, нужна привычка. Более того, школа взаимопонимания, где учат формулировать свои требования, отстаивать их и в то же время слушать аргументы других. У нас ведь как: сразу за глотку – всё или ничего! Так мы ничего не получим – и другим не достанется. Разойдемся по своим углам: пропадите вы пропадом! Наверное, и в Порту-Алегри собрания поначалу проходили так же. Но постепенно люди научились сотрудничать. И мы можем – не хуже и не глупее бразильцев...

Мой собеседник задумался. Молодой, энергичный, он сразу оценил эффект сложения сил. Этак и горы свернуть можно. Но, как выяснилось, окончательно я его не убедил. Вскинул голову и рубанул – как нечто решенное: “Всем районам поровну – хорошо, но так не бывает. Где-то требуется больше вложений”.

– Так в этом году больше дадут одним, а на следующий – другим.

– Обманут, – уже отрешенно заключил он.

Весь интерес выветрился, чувствовалось: думал – серьезно, а оказалось – болтовня. Сегодня больше одним – так они всё себе и захапуют. А на следующий год лишку не отдадут. Обманут.

То, что жизнь держится на обмане, как-то незаметно вошло в сознание, стало аксиомой для моих соотечественников. Вроде с детства учили: доверяй людям. Доверяй жизни и миру. А иначе – как: ходить с камнем за пазухой или с кистенем в руке? Так думали до катастрофы. А теперь по-другому и не ходят.

Таковы последствия распада государства. И чего-то куда более личного, определяющего бытие человека – образа жизни, морали. Была христианская нравственность – вырвали с корнем. Только-только сформулировали мораль коммунистическую – отвергли и её. С презрением, с насмешкой над теми, кто живёт, руководствуясь её принципами. Да и вообще какими-либо нравственными принципами.

А в Латинской Америке сам опыт выживания бедноты формирует мораль взаимопомощи, коллективизма. Тех качеств, которые мы связывали с советским образом жизни. И которые теперь легли в основу идеологии и практики “левого поворота”.

Миллионы жителей бунтарского континента сохранили и христианскую нравственность. И оказалось: своды двух систем морали во многом совпадают, а в чем-то дополняют друг друга. Именно поэтому церковь Латинской Америки, как мы уже говорили, поддержала бедняка. А церковные общины – так называемые базовые католические общины – стали ещё одной формой самоорганизации населения.

“Базовые общины, – свидетельствует латиноамериканист, – объединяют наиболее бедных верующих и участвуют в выступлениях, направлен-

ных на защиту интересов неимущих” (Григулевич И. Латинская Америка: церковь и революционное движение. М., 1988). Сегодня на континенте десятки тысяч таких ячеек. И это в дополнение к церковным приходам – традиционной форме организации верующих.

Какой из этого можно сделать вывод? Кто-то скажет: “У нас всё равно ничего этого нет, следовательно, и говорить не о чем”. Это путь в никуда. В атомарное существование, над которым дамокловым мечом нависают угрозы: “обманут”, “отберут”, “уничтожат”. Так всю жизнь дрожмя продрожешь и загнешься в своей бетонной норке.

Кстати, для сведения: нам усиленно навязывают именно этот путь. Убеждая: весь мир (и прежде всего, конечно, Запад) идёт по нему. Показательно недавнее интервью с президентом Института национальной модели экономики В. Найшулем в “НГ-сценариях”. Найшуль утверждает: возникает общество людей, которые могут “вообще обходиться без связей” (“Независимая газета”, 24.06.2008). Вроде бы исследователь видит опасности такого пути, но ничего, мол, не поделаешь: тренд.

Действительно, атомизация захватывает и западный мир, и Россию. Однако на Западе ей противостоит мощная тенденция солидарности, оживления и укрепления человеческих связей. Убежден – разумнее ориентироваться не на разрушительный, а на созидательный опыт. Это путь самовоспитания, создания структур, позволяющих соединить усилия для решения конкретных задач.

Чтобы читатели не решили, будто объединения жителей – явление сугубо латиноамериканское (а потому нас не касается!), скажу несколько слов и о европейском опыте. Он признан чрезвычайно актуальным. У нас и на Западе выходит немало работ на эту тему.

Автор одной из них, Е. Шомина, основываясь на английском материале, выделяет восемь типов местных соседских групп, которые иной раз действуют все вместе на одной территории, решая различные задачи.

1. Группы взаимопомощи. Например, клубы пенсионеров или объединения родителей с детьми.

2. Благотворительные группы. Они оказывают помощь инвалидам, старикам, участвуют в благоустройстве дома или микрорайона, консультируют население.

3. Представительные группы. Избраны жителями и несут ответственность перед ними. К ним относятся ассоциации жителей и квартирносъемщиков, советы микрорайонов.

4. Группы интересов меньшинств. К примеру, объединения матерей-одиночек, мигрантов.

5. Группы давления. Инициативные группы, защищающие жителей. Они борются против строительства гаражей, прокладки через микрорайон автострад или же за строительство необходимых жителям объектов – детского сада, магазина. Эти группы составляют петиции, организуют демонстрации.

6. Согласительные группы. Создаются для разрешения конфликтов. В них, наряду с жителями, входят представители муниципальной власти, руководители заинтересованных организаций.

7. Волонтерские группы. К ним автор относит прежде всего церковные организации, помогающие нуждающимся.

8. Специальные группы. Создаются временно под конкретную задачу: проведение детского праздника, спортивного соревнования, организацию экскурсий.

Шомина приводит внушительный перечень некоммерческих фондов, оказывающих финансовую и консультативную помощь местным объединениям. Решать свои задачи в одиночку им было бы затруднительно (Шомина Е. Уроки демократии по месту жительства. М., 2001).

Наши западные соседи убеждены: местные сообщества – важный элемент самоуправления. Реализуемые ими программы рассматриваются не только как способ решения конкретных проблем, но и как осуществление принципа демократии. В отличие от Венесуэлы, где говорят о “демократии участия”, в Европе её называют “прямой демократией”.

И. Кокарев, автор нескольких книг и создатель вузовского курса “Прямая демократия и гражданское участие в формировании государственной политики” (М., 2005) называет соседские общины “мастерскими демократии”. Он подчеркивает: “В современном мире старая патерналистская модель будет вытес-

няться новой моделью социального партнерства между активными объединениями жителей общин и местной властью с её институтами жизнеобеспечения”.

Как видим, “демократия участия” (я предпочитаю пользоваться венесуэльским термином) – средство, с помощью которого Чавес создаёт “Социализм XXI века” – это самая современная и наиболее эффективная политическая модель.

И все-таки даже она – сама по себе – неспособна решить амбициозную задачу. Если “демократия участия” не подкреплена другими формами демократии, она не более, чем средство выживания, в каком-то смысле – жестотчаяния: не надеясь на внимание власти, люди берут на себя решение неотложных задач. Мы с вами помним “социалистические субботники”, на которых жители бесплатно выполняли работу муниципальных служб. При желании и это можно объявить “демократией участия”.

На Западе низовые формы активности граждан служат эффективным дополнением к представительной демократии. Тот же И. Карев отмечает: “Один тип демократии дополняет другой. Представительная демократия и демократия участия – два начала народовластия”.

Такая двухуровневая конструкция существует и в Венесуэле. Хотя противники Чавеса утверждают, что он чуть ли не упразднил традиционную представительную демократию. Ничего подобного: и в провинции, и в центре регулярно проходят выборы депутатов, мэров, губернаторов, президента. Правда, реформы коснулись парламента. Из двух палат Чавес оставил нижнюю. Таким образом, был чётче реализован основной принцип: один человек – один голос. Депутатов обязали отчитываться перед избирателями. И главное – те получили право отзыва избранников, не оправдавших доверие.

Чавес восстановил живую связь парламента с народом. Приблизил законодателей к жителям. В том числе и буквально: наиболее важные заседания Национальной ассамблеи проходят на площади в присутствии сотен тысяч людей (“Евро Ньюс”, 1.02.2007).

В том же направлении развивается конституционная реформа в соседнем Эквадоре, где власть получил сторонник Чавеса Рафаэль Корреа. Вместо конгресса, ставшего по сути клубом олигархов и их выдвиженцев, он учредил Конституционную ассамблею. Конгресс пробовал сопротивляться, тогда тысячи жителей столицы ворвались в здание и выбросили депутатов вон. “Я думаю, что Ассамблея даст нам, простым людям, право голоса”, – высказал мнение эквадорцев один из митингующих (“Евро Ньюс”, 15.04.2007).

В том-то и дело: представительная демократия, призванная в идеале дать каждому гражданину возможность участвовать в управлении государством, на практике сплошь и рядом игнорирует мнение избирателей. В Латинской Америке за два столетия накопилось немало вопиющих – скандальных и анекдотичных примеров. Но поглядите на родину представительной демократии – Европу. Какие омерзительные интриги кипят вокруг Конституции ЕС. Когда документ выносят на всенародный референдум, народы всякий раз говорят ему: нет. А парламенты послушно штампуют: да. В Великобритании, где 87% населения требуют поставить вопрос на всенародное голосование (“Евро Ньюс”, 4.03.2008), палата общин келейно одобрила “базовый договор”.

Примером и оплотом представительной демократии считают Соединённые Штаты. Пользуясь своей репутацией, они учат народовластия другие страны, в том числе и латиноамериканские. А в иных случаях грозят силой навязать свою модель.

Но так ли уж демократична американская система? В последние годы немало написано на сей счет – прежде всего её критиками. Их доводы в той или иной мере убедительны, однако критическая позиция авторов даёт возможность обвинить их в пристрастности.

Обратимся к исследованию другого рода – книге американского профессора Роберта Даля “Введение в теорию демократии” (М., 1992). Даль – сторонник американской системы. Кроме того, он предпочитает пользоваться не политическими лозунгами, а математическими моделями.

Проследивая становление американской демократии, Даль обращает внимание на прочность позиции “охранительного меньшинства, обладающего

богатством, положением и властью, которое не доверяло и боялось своих злейших врагов — ремесленников и фермеров”. Конституция Соединённых Штатов — показывает исследователь — стала “компромиссом власти большинства с властью меньшинства”. Однако опасения американского истеблишмента не изжиты и ныне: “Начиная с 1789 года, тема справедливости или несправедливости власти большинства (разрядка моя. — А. К.) проходит красной нитью через все политическое мышление Америки”.

Даль стремится развеять опасения элит. С помощью математических выкладок и исторических фактов он доказывает: “В обычном смысле большинство редко или вообще никогда не управляет страной... Таким образом, боязнь правления большинства, так же как и его защита, основаны на неверном понимании возможностей, заложенных в политической реальности”.

Не берусь судить, успокоит ли этот вывод власть имущих или возмутит. Но материал, представленный в книге, предельно убедителен. Вот только два примера. Один наглядно раскрывает механизм распределения мест в верхней палате конгресса: “У восьми крупнейших штатов, где проживает 54% общего числа избирателей, столько же голосов в сенате, что и у восьми самых маленьких штатов с 3% населения. Большинство в сенате могут составить сенаторы, представляющие менее 15% избирателей. А политика, за которую выступают представители 85% избирателей, может быть отклонена представителями 15% избирателей”*.

Другой пример разбирает миф о том, что президент Соединённых Штатов всегда избирается большинством. “...В трех случаях на общенациональных выборах в Соединённых Штатах кандидат, которому отдало предпочтение большинство голосовавших, не стал президентом... На президентских выборах в Америке девять раз победа достигалась относительно, а не абсолютным большинством голосов. Следовательно, в двенадцати случаях, или более чем в трети всех президентских выборов после Джексона, победивший кандидат не был предпочтительным избранныком большинства избирателей”.

Могут спросить: а почему “после Джексона”? Даль делает специальную сноску — оказывается, до избрания Джексона президентом в 1828 году члены коллегии выборщиков (именно они определяют нового руководителя Соединённых Штатов) обычно избирались законодательными собраниями штатов. Мнение большинства вообще не учитывалось.

Справедливость доводов Роберта Даля подтверждает не только история, но и современность. Профессор пишет о трёх случаях, когда президентом становился кандидат, получивший меньше голосов, чем его соперник. В 2000 году казус повторился в четвёртый раз: за кандидата демократов А. Гора проголосовало больше избирателей, чем за Дж. Буша, однако особенности формирования коллегии выборщиков позволили победить республиканцу.

Так работает “лучшая демократия в мире”!

Между прочим, я не могу понять, почему тезисы Даля никогда (насколько я знаю) не рассматривались нашими ведущими политологами. Второе издание его работы на английском вышло в 1984 году. Когда Советский Союз, а затем Россию тянули в демократию, скроенную по американским лекалам, специалисты не могли не знать, что она не предоставляет большинству той власти, которой приманивали народ наши доморощенные демократы. Понятно, Даль не Господь Бог, но в данном случае речь не о вере, а о математической наглядности выводов.

— Но как же? — могут сказать мне, — вы сами не далее, как в нынешнем году рекомендовали в качестве образца западную демократию.

Я не фантазирую, а пересказываю разговоры с читателями. Благо, работая в журнале, я всегда “на связи”.

Объяснюсь раз и навсегда. Я никогда не утверждал, что демократия по-американски является образцом для реформирования России. В начале 90-х я не просто отвергал этот тезис, но и активно боролся против — и в журнале (перечитайте “Дневники современника”

* К слову, для того, чтобы избежать подобных ситуаций, Чавес упразднил верхнюю палату парламента.

тех лет), и на политической арене, когда трижды участвовал в парламентских выборах кандидатом от патриотической оппозиции.

Но все познаётся в сравнении. В главе “Другая политика” (“Наш современник”, № 2, 2008) с похвалой отзываясь о праймериз, позволяющих американцам выбрать кандидата, отвечающего их представлениям о лидере, я отдавал им предпочтение перед российской практикой назначения премьер-министра — чуть ли не по единоличному решению президента. Такого не было и в советские времена, особым демократизмом не отличавшиеся!

Я призывал соотечественников идти на выборы и добиваться ротации элит. И ставил в пример избирателей Восточной Европы. Но не потому, что тамонная демократия видится мне образцом, а потому, что заменить одного самовлюбленного болтуна на другого все же лучше, чем годами оставлять всё как есть. Руководитель, опасаящийся гнева избирателей, хотя бы время от времени вынужден вспоминать об их нуждах. А тот, кто уверен: его не смоят — работает на свой карман и знать не желает о проблемах подданных.

Дело не в том, что на Западе высоко поднялись, а в том, что мы низко пали! Почитайте обзоры зарубежной прессы. Там Россию ставят на одну доску с Нигерией, где в минувшем году также состоялись выборы, на которых назначенец уходящего президента одержал победу, конечно же, сокрушительную...

В той же главе, где я пишу о первичных выборах, подчеркнуто преимущество латиноамериканской системы. Позволю себе процитировать: “Своих любимцев латиноамериканская публика узнаёт не на краткосрочных праймериз, устраиваемых раз в четыре года. Тут степень контакта, накал чувств иные”.

Степень контакта — вот главное. Проблема представительной демократии обозначена в самом названии. Люди выдвигают в органы власти представителей, передоверяя им свои права. Это как доверенность на управление автомобилем. А дальше происходит то, что нередко случается с легкомысленными владельцами авто: получив “доверенность”, счастливчик вырывается в “прекрасный мир” — поминай, как звали! Вы лично слышали хотя бы один отчёт депутата о его работе?.. Конечно, через четыре года он вернётся за новым мандатом. Он рискует не получить его, если чересчур наплевательски относился к избирателям. Но разве удачники склонны задумываться об отдалённых последствиях? А потом всегда есть возможность накануне голосования задобрить электорат, подкинуть ему что-нибудь по малости.

Думаете, только у нас так заведено? Запад живёт по тем же законам.

Партийные активисты, теоретики, простые люди бьются над тем, как оживить, укрепить связку избиратель — избранник. И только Чавес сделал то, на что не решился до него ни один руководитель. Что сразу же в корне изменило ситуацию. Он дал народу право отзыва не только депутатов — президента. Поставил себя в ежедневную зависимость от избирателей. А заодно доверил им решение главных проблем государства на референдуме.

Чавес создал новый уровень в зарегулированной демократической модели. Это — прямая демократия!

С таким термином мы уже встречались, причем в разных контекстах. Чтобы избежать путаницы, уточню: на Западе и в России так обозначают два явления: низовую активность (участие в жизни микрорайона и т. д.) и подключение к решению судеб страны (голосование на референдуме, например). Общее: активность масс, но уровни различаются. Низший я предпочитаю именовать “демократией участия”, как это делают в Венесуэле. Высший — “прямая демократия”.

Вместе с традиционной представительной демократией они составляют систему, обеспечивающую каждому максимум прав и свобод. Демократия участия решает бытовые проблемы. Представительная демократия создаёт политические институты и определяет “правила игры”. Прямая демократия позволяет массам контролировать деятельность народных избранников, следить за тем, чтобы они не оторвались от своих избирателей.

Не два уровня демократии, как учат западные политологи, а три. Триада Чавеса — вот оптимальное решение проблемы. Если вы хотите знать, какая модель представляется мне наилучшей, я отвечу: венесуэльская. Она всеохватна. Она действенна. Она внутренне едина.

При всей сложности её можно свести к простой формуле: демократия – это система, при которой любой человек может принять решение по любой проблеме – от обустройства двора до обустройства страны. Понятно, ему придётся искать единомышленников, способных составить большинство. Так вот, демократия по-венесуэльски предоставляет для этого наилучшие возможности.

Так что “Делайте демократию!”, – как говорят венесуэльцы.

* * *

Успешная реализация чавистского проекта может породить у российских читателей иллюзию, будто новую жизнь обретает социализм советского образца. И хотя политическая конкретика, рассмотренная нами, не даёт оснований для такого заключения, само словосочетание “Социализм XXI века” способно ввести в заблуждение.

Не надо себя обманывать. “Левый поворот” в Латинской Америке не означает реанимации советской модели. В его основе другие принципы, иной раз полемически переосмысляющие опыт реального социализма. Представляется далеко не случайным (тут я ещё раз соглашусь с В. Давыдовым), что латиноамериканский левый проект актуализировался после крушения социалистической системы во главе с СССР.

Латиноамериканцы с особой ревностью блюдут идеологическую и политическую независимость. Неудивительно: два века им пришлось отстаивать её от посягательств северного соседа. Было бы наивно полагать, будто, отвергнув притязания Соединённых Штатов, они с радостью признают “руководящую роль” какого-то иного центра силы.

Поздние признания Фиделя Кастро в беседах с главным редактором газеты “Монд дипломатик” Игнасио Рамонетом показывают, что даже ему, “давнему другу советского народа”, нелегко было следовать в кильватере СССР*.

Менее ангажированные лидеры левых с первых же строк своих деклараций отмежевываются от чужого опыта. Характерно заявление знаменитого колумбийца Габриеля Гарсия Маркеса: “Социализм – не некая застывшая магическая формула. Мы для Латинской Америки должны придумать свои формы, которые бы соответствовали нашей культуре, нашей исторической традиции... У нас для этого достаточно воображения и творческого потенциала”.

Маркес развивает мысль: “...У латиноамериканских и карибских стран есть огромный запас энергии, способный перевернуть мир: грозная память наших народов и тут гораздо ценнее, чем природные ресурсы, огромное культурное наследие, многоликая первоматерия, пронизывающая нашу жизнь на каждом шагу. Это культура сопротивления (здесь и далее разрядка моя. – А. К.), кроющаяся в потайных закоулках нашего языка, в образах мулаток-мадонн – кустарных хранительниц наших очагов, в исконной непокорности народов колониальным и церковным властям. Это культура солидарности, проявляющаяся как в бурных излишествах нашей необузданной природы, так и в непокорности наших народов, поднимавшихся на борьбу за самоутверждение и суверенитет. Это культура протеста” (“Латинская Америка”, № 10, 2007).

Такое вызывающее противопоставление духовных ресурсов социализма его материальной базе, да ещё с отсылкой к “образам мулаток-мадонн”, в качестве архетипа наверняка свело бы с ума твердокаменного материалиста М. Суслова, бессменно возглавлявшего советскую идеологию второй половины XX века.

Конечно, с писателя, пусть и “революцией мобилизованного и призванного”, спрос невелик. Но послушайте, как слова Маркеса входят в резонанс с высказыванием Фиделя: “Идеи важнее оружия” (“Латинская Америка”, № 11, 2007). Латиноамериканский социализм воинственно идеалистичен.

* Рецензия на книгу Рамонета помещена в журнале “Латинская Америка” (№ 11, 2007).

И не только в этом его отличие от советского. Создатель “Социализма XXI века” охарактеризовал себя: “Я являюсь националистом, революционером и сторонником Боливара... Венесуэльский проект не носит коммунистического характера и не может носить такового” (Дабагян Э. Уго Чавес: политический портрет. М., 2005).

Размышляя над словами Чавеса, я радуюсь тому, как точно он сформулировал занимавшее и меня тождество: националист не может не быть человеком левых убеждений. По простой причине: для него дорог и последний в народном единстве. Сопливый пацан с окраины, старая нищенка в метро. Всё это его люди. Он призван уберечь их, дать хотя бы минимум, гарантирующий спасение. Правые (те же неолибералы) отказываются от этой задачи. Они готовы лишить неимущих и того немногочисленного, что у них есть. Мы привыкли автоматически записывать националистов в правые. А это неверно. Национализм — это народность, а значит, и левизна.

Но и — верность традициям. Традиционалист — и революционер! Нет ли здесь противоречия? Для Чавеса, боготворящего Боливара, опирающегося на многовековую традицию, восходящую к Васко де Кирогге, тонкого знатока латиноамериканской поэзии прошлого и позапрошлого веков, противоречия нет. Он соединяет революционный порыв и верность традиции в своей личности и в своей политике.

Если уж мы заговорили о мировоззрении венесуэльского президента, то придется отметить: оно формировалось на пересечении разнообразных, порою причудливых течений. Если верить биографу Чавеса Э. Дабагяну, тут и популярный в последние десятилетия дзен-буддизм, и философия Ницше (ressentiment — одно из любимых понятий немецкого мыслителя), и маоизм — вспомни предвоенную работу китайского руководителя “Народная демократия”.

Заметно и влияние собственно латиноамериканских идеологий. В частности, “теологии освобождения”. Дабагян подчеркивает: “Чавес считает себя глубоко верующим человеком. Он регулярно посещает церковь” (Дабагян Э. Уго Чавес...).

Венесуэльскому лидеру повезло: он может опереться на никарагуанский опыт взаимодействия революции и церкви (причем не только в лице сторонников “теологии освобождения”). Не удержусь, выскажу наблевшее. Мы, идеологи русского патриотического движения, в 80-е годы мечтали о взаимодействии советских властей и Русской Православной Церкви. Видели в нем залог сохранения государства. Функционеры на Старой площади не пошли на такой шаг. Да и встречного не было...

А в то же самое время никарагуанские епископы выпустили декларацию “Долг христиан перед сандинистским Никарагуа” (1979). Вот что там провозглашалось: “Социальный проект, гарантирующий распределение благ и ресурсов страны и позволяющий постоянно улучшать качество человеческой жизни на основе, которая удовлетворяет главные нужды всех людей, кажется нам справедливым. Если социализм связан с постоянным сокращением традиционных несправедливостей и неравенства между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, если он ведёт к справедливому участию трудящихся в распределении продуктов их труда, к преодолению экономического отчуждения, то в христианстве нет ничего ему противоречащего” (Григулевич И. Латинская Америка: церковь и революционное движение, М., 1988).

Представитель Ватикана в этой центральноамериканской стране был ещё более красноречив: “Я вижу в Никарагуа уникальную возможность осуществления в Латинской Америке революции нового типа (разрядка моя. — А. К.), которая не была бы работой схем, а исходила из традиций, из моральных, культурных и творческих потенциалов никарагуанского народа. Такую революцию должны были бы отличать от других движений три характерные черты: идеологический плюрализм, призыв ко всем слоям населения к возрождению родины в условиях свободы и ответственности, проведение преобразований совместно с церковью” (там же).

Взаимоотношения церкви и сандинистов Никарагуа складывались по-разному. Да и Чавесу не всегда удаётся ладить с католическими иерархами Ве-

несуэлы. Однако “Социализм XXI века” имеет явную христианскую составляющую, выгодно отличающую его от советского.

Чавес наверняка учёл и открытую, хотя и предельно корректную, полемику, которую вели с Москвой легендарные лидеры латиноамериканских революционеров – команданте Че и субкоманданте Маркос (не путать с писателем!).

Известно, что, вернувшись из Москвы, где он побывал во главе кубинской делегации, Че выступил с критикой СССР. После чего ему пришлось не только уйти из правительства, но и покинуть Кубу.

Авторы брошюры “Че Гевара” из серии “100 человек, которые изменили ход истории” (М., 2008) пишут: “СССР показался ему страной обуржуазившейся и обуржуазившейся, изменившей подлинным идеалам социализма”. О том же настрое вспоминал и латиноамериканист К. Майданик, который знал Че Гевару и вёл с ним доверительные беседы: “...Категорическое отвержение Геварой европейской модели “реального социализма” и восприятие кубинской революции как носителя иного, альтернативного проекта социализма” (“Латинская Америка”, № 11, 2007).

Впрочем, Че предпочитал не вдаваться в идеологическую полемику, рассчитывая делом доказать свою правоту. Создавать альтернативу “реальному социализму” он отправился в самое сердце Латинской Америки – на боливийские нагорья, где вскоре погиб.

Куда более удачно сложилась судьба другого повстанца – субкоманданте Маркоса. После окончания университета, где он пропитался марксистскими идеями, субкоманданте (его подлинное имя неизвестно: Маркос – фамилия друга, погибшего в бою) вместе с товарищами взялся организовывать восстание индейцев в беднейшем штате Мексики – Чьяпас.

В отличие от других революционеров 60–70 годов, Маркос не навязывал местным жителям марксистские взгляды. Он предпочитал прислушиваться к их мнению. Что предопределило его практические успехи – субкоманданте удалось создать и вот уже без малого пятнадцать лет удерживать под контролем зону, свободную от мексиканских правительственных войск. А также позволило сформулировать идеологию, весьма далекую от марксистского канона.

“Мы думаем, – заявил Маркос в интервью, – что для того, чтобы начать изменение мира, можно организовать не сверху, не приходя к власти и принимая оттуда меры. Мы думаем, что ключ к решению – в организации людей, начиная с самого низа...” (здесь и далее ссылки на интернет-сайт Russian Page of Subcomandante Marcos and Zapatistas).

Маркос снова и снова возвращается к центру своей концепции – простым людям. Что даёт ему возможность выявить самое уязвимое место “реального социализма”: “То, что оставалось всегда нерешенным, – это роль людей, роль гражданского общества, роль народа... Мир ... состоит из разных людей и групп, и отношения, которые нужно построить между этими разными группами и людьми, должны основываться на уважении и терпимости...”

Наивно? А как же классовая борьба? Как же “руководящая и направляющая” роль “революционного авангарда”? Что касается классовой борьбы, то нетрудно предположить: индейцы в джунглях Чьяпаса поголовно бедны. Маркос не считает нужным уточнять очевидное. А по поводу авангарда он высказался с великолепным сарказмом: “Предполагается, что любой авангард является представителем большинства... Мы думаем, что это не только ошибочно, но в лучшем случае остаётся не более чем благим пожеланием, а в худшем – это очевидная практика обмана. И по мере того как в игру вступают реальные социальные силы, становится ясно, что авангард – не столь уж и авангард, и что те, кто им по идее представлены, не ощущают этого представительства” (разрядка моя. – А. К.).

В этом коренная ложь “реального социализма”: коммунистическая номенклатура правила от имени народа, но сам народ был отстранен от власти.

На подконтрольной ему территории Маркос решил проблему просто: он проводит выборы каждый год. Ротация – полная. Командиры военных частей (в данном случае главные претенденты на роль номенклатуры) избираться на руководящие посты не могут.

“Когда мы говорим “нет” лидерам в принципе, мы говорим “нет” и самим себе”, – подчеркивает субкоманданте.

Любопытна, скорее всего, непреднамеренная полемика Ф. Кастро с Маркосом. В беседах с Рамонетом одряхлевший Фидель с горечью говорит о несовершенстве человека: “Человек есть человек, мы не можем его идеализировать...” И сразу переходит к размышлениям о судьбе своего наследия: “В том ли дело, что революции обречены на разрушение, или в том, что люди сами могут разрушить революцию. Я часто задаю себе эти вопросы. И вот что я вам скажу: эта страна может сама себя разрушить... Эта революция может сама себя разрушить” (“Латинская Америка”, № 11, 2007).

Прямо-таки король Лир, на краю жизни обнаруживающий тщету своих планов! Фидель не доверяет человеческой природе: “Нужно быть постоянно начеку в отношении рисков. Надо быть почти ясновидящим, думать и думать”.

А Маркос своим индейцам доверяет. “На каждой площади, – вспоминает он, – мы повторяли всем: “Мы не пришли руководить вами, мы не пришли указывать вам, что делать, наоборот, мы пришли просить вашей помощи”.

Заочный спор выиграл субкоманданте. Сразу после того, как больной Фидель отказался от власти, его брат Рауль заявил о необходимости “уменьшения централизации” (“Евро Ньюс”, 25.02.2008).

Маркос не устаёт повторять: “Если сократить все речи, произнесенные нами с начала сапатистского похода до сегодняшнего дня, в одну фразу, получилось бы: “Никто этого за вас не сделает”.

В сущности – это “демократия участия”, практикуемая теперь Чавесом на государственном уровне. И даже “прямая демократия”: в условиях небольшой общины границы между нижним и верхним уровнями демократии стираются.

Наверняка на становление Чавеса, а значит, и на суть его проекта, повлиял 1968 год. Говорю с уверенностью: мы с ним принадлежим к одному поколению, этот рубеж для нас один из наиболее значимых.

Именно рубеж – в то время миллионы людей по всему миру ощутили: человечество подошло к некоему пределу. Чувство глобальной опасности и лихорадочное ожидание перемен охватили общество по обе стороны пресловутого “железного занавеса”. Наиболее активных этот настрой побуждал действовать немедленно.

Майская революция в Париже. На пике выступлений в них принимали участие 10 миллионов студентов и рабочих по всей стране. Пятая часть населения Франции.

Восстание испанских студентов против диктатуры Франко.

Сражения с полицией в большинстве университетских центров Германии. Покушение на жизнь молодежного лидера Руди Дучке.

Волнения католической молодежи в Северной Ирландии.

Пражская весна. Студенческие выступления в Польше и Югославии.

Антивоенные митинги в университетских кампусах США.

Многомесячная забастовка двухсот тысяч студентов Национального университета Мехико – крупнейшего в обеих Америках.

Горячая осень в Италии.

Из всего этого мы знаем только о событиях в Чехословакии. В СССР их рассматривали, да и рассматривают теперь через призму “теории заговора”. Между прочим, как явствует из материалов, опубликованных в журнале “Славяноведение” (№ 3, 2008) к 40-летней годовщине Пражской весны, лидеры реформаторов в руководстве КПЧ не отрицали наличия “враждебных происков”. Однако они полагали, что демократизация партийной и общественной жизни как раз и позволит оттеснить антисоциалистические силы на обочину.

Было бы нелепо думать, будто кризисы масштаба пражского (или парижского) обходятся без вмешательства внешних сил. Без происков иностранной агентуры, дипломатического корпуса, членов всевозможных делегаций, к сроку устремляющихся в страну – прощупать настроения и установить контакты с потенциальными возмутителями спокойствия. Но столь же нелепо полагать, что акции, в которых участвуют миллионы, инспирированы по указке извне. Для массовых выступлений должна быть почва в самой стране, в жизни и проблематике данного общества.

Если сводить дело к “теории заговора” и видеть заговорщиков в сотрудниках американских и немецких спецслужб, то кто же организовал волнения в Германии и США? Забавно, что американские консерваторы без колебания указывали на “руку Москвы” (материалы из американской печати представлены в статье академика И. Шафаревича “Шестая монархия” — Шафаревич И. Собр. соч. в 3-х тт. М., 1994, т. 1).

Впрочем, таких вопросов у нас не задают — просто потому, что не знают о планетарном размахе протестов, поисков, о рождении и ниспровержении утопий, которыми был отмечен поистине великий год.

К слову, такая зашоренность взгляда выходит боком нашему Отечеству. Западных политологов и журналистов вполне устраивает рассмотрение чешских событий как явления изолированного. Понятно, что они пишут не об “империалистическом заговоре”, а о “тоталитарной сущности” коммунистических режимов, а то и прямо об агрессивной природе “русского медведя”. Показательно: даже в русскоязычной версии популярной “Википедии” рассказ о Пражской весне сопровождаются отсылками к восстаниям в Берлине (1953) и Будапеште (1956), подавленным советскими войсками. Зато нет ни слова о синхронных событиях — майской революции в Париже, университетских волнениях в США, Мексике.

Нас хотят уверить: это — другое. И, разумеется, ничего не говорят о том, что мексиканские правительственные войска взяли Национальный университет штата Момо. Что при подавлении студенческих бунтов в Париже французская полиция проявила фантастическую жестокость. Об этом напоминает статья Клэр Дойл, размещенная на сайте российских левых (<http://www.socialism.ru/revolution/france/1968>).

Только левые неконформисты — такие, как Клэр Дойл или наш неугомонный К. Майданик, рассматривают пражский апрель и парижский май в одном ряду проявлений массового недовольства существующим порядком вещей.

Этой настрой уместно охарактеризовать словами Мишеля Фуко — радикального французского мыслителя, оказавшего огромное влияние на восставшую молодежь. Уже на склоне жизни он вспоминал, что его единомышленники ощущали “неотложную необходимость чего-то другого, нежели то общество, в котором жили... Из всего этого в наших душах засело желание чего-то совсем другого: не просто — другого мира, или общества другого типа, но желание быть другими нам самим — быть совершенно другими, в совершенно другом мире, в соответствии с совершенно другими отношениями” (В кн.: Фуко Мишель. Воля к истине. Пер. с фр., М., 1996).

Фуко писал о своих сверстниках — поколении отцов, учителей. В 1968 году их отрицание старого мира наложилось на естественное стремление молодежи к новому, неведомому, другому, и это удесятило эффект.

Пожалуй, другое было ключевым словом, объединявшим не только поколение, но и народы по обе стороны границы, разделившей Европу. Французские, немецкие, итальянские студенты отвергали капитализм во имя социализма. Но такого социализма, о котором мечтали они — общества, где “запрещается запрещать”, не было нигде в мире! Чешские реформаторы хотели использовать опыт капитализма. “Сочетать преимущества демократии и рынка... с преимуществами социальных гарантий и человеческой солидарности, как это предполагает программа социализма”, — сформулировал Честмир Цисарж (“Славяноведение”, № 3, 2008). Но такого капитализма “с человеческим лицом” тоже нигде не было. Даже в Швеции, где наличествовали социальные гарантии, но отсутствовала человеческая солидарность — почитайте шведских писателей...

Можно посмеяться над наивностью подобных мечтаний. Но мечты, захватывающие огромные массы по всему свету, не бывают беспочвенными. Требования перемен, властный порыв к новому объективно отразили глобальный перелом, пришедшийся на 1968-й.

Уже тогда обнаружилась и счерпанность двух основных моделей развития, которые вели непримиримую борьбу на протяжении XX столетия. Начнем с экономики. В 1968-м была сдана в архив косыгин-

ская реформа, призванная вдохнуть новую жизнь в социалистическую экономику. Но тогда же выявились неполадки и в капиталистической модели. Выдающийся экономист Джованни Арриги отмечал: “Признаки наступающего кризиса американского цикла (развития капитализма. – А. К.) появились в 1968–1973 годах” (Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. Пер. с ит.: М., 2006).

В том же году начали выявляться и более фундаментальные проблемы в развитии человечества. В апреле 68-го (то есть синхронно с выступлением реформаторов в Праге) итальянский промышленник и мыслитель Аурелио Печчеи собрал на римской вилле Фарнезина около 30 европейских ученых – естественников, социологов, экономистов, специалистов в области планирования. Они создали организацию, получившую всемирную известность под именем Римского клуба. Темой дискуссий стало ни много ни мало – будущее человечества.

Согласитесь, должно произойти нечто экстраординарное, чтобы прижимистые буржуа и сухари-ученые взялись размышлять о судьбах рода человеческого. Что именно произошло, выяснилось, когда группы специалистов подготовили первые доклады Римскому клубу. Их названия говорят сами за себя: “Пределы роста” (1972), “Человечество на поворотном пункте” (1974), “Пересмотр международного порядка” (1976).

Суть штудий слишком известна: выделив пять ключевых показателей человеческого развития – минеральные ресурсы, сельскохозяйственное производство, промышленность, окружающая среда и народонаселение, ученые пришли к выводу, что возможности планеты обеспечить возрастающий рост потребления близки к исчерпанию.

У нас ещё с советских времен этот вывод трактовали в свете мальтузианской теории. Мол, земля не выдержит дальнейшего роста населения. При этом не забывали добавить: по утверждению буржуазной науки. Затем уточнение – вместе с советским строем – отпало, и в голом остатке оказалось: земля всех не прокормит. Итог, вполне отвечающий людоедскому мышлению “новых русских”.

Между тем, создатель Римского клуба интерпретировал ситуацию по-другому. Указывая, что человечество оказалось на пороге глобальных перемен, Аурелио Печчеи подчеркивал: “...Только Новый Гуманизм способен обеспечить трансформацию человека, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего новой возросшей ответственности человека в этом мире”. Печчеи ставил во главу угла не остановку роста, а то и сокращение населения, а “социальную справедливость” в распределении сокращающихся ресурсов. “Целью проекта, – характеризовал он одну из своих программ, – было получение научно аргументированного ответа на вопрос, в состоянии ли человеческая система в своём нынешнем виде гарантировать определенный социальный минимум всему мировому населению. Ответ в принципе положительный, при условии, что будет существенно изменена вся структура современного общества” (Печчеи Аурелио. Человеческие качества. Пер. с англ., М., 1985).

Выходит, не такими уж наивными были бунтовавшие в 1968-м студенты. В их стремлении к “другому” инстинктивно выразился поиск пути из кризиса, угрожающего самому существованию человечества. Бунтари 68-го оказались в авангарде общества, поставленного перед необходимостью “существенно изменить” всю свою структуру.

В самом деле, XX век прошел под знаком соревнования двух систем, предлагавших конкурирующие проекты организации и человечества. И вот выяснилось: оба пути ведут к катастрофе. “Два пути к одному обрыву”, наглядно описал ситуацию академик И. Шафаревич. И хотя русский мыслитель сам не сделал этого вывода, он напрашивается: на смену организации из единого центра (административно-экономического, идеологического) должна придти саморганация человечества.

Но прежде чем формула была произнесена, человечество прошло через трагическую трансформацию. Советский блок распался, не сумев справиться со своими внутренними проблемами. В том числе, теми, что были загнаны внутрь при подавлении Пражской весны. Ведущие обществоведы – И. Валлер-

стайн, Дж. Арриги, Г. Франк посвятили краху социализма в Восточной Европе работу красноречиво озаглавленную “1989 год как продолжение 1968 года”.

Западу удалось использовать более изобретательную и коварную стратегию: разложить движение протеста. Перенаправить его энергию в сферу контркультуры (“рок, секс, наркотики”).

Оставшись без массовой поддержки, лидеры бунтарей либо сходят со сцены, либо присоединяются к победившему истеблишменту (Й. Фишер, Д. Стро, Д. Кон Бендит – лидер восставших парижских студентов, а ныне депутат Европарламента и автор книги “Забыть 68-й”). Выделившись в особую группу радикалов обезвреживают, распахив по тюрьмам, где они быстро и загадочно умирают (У. Майнхоф, А. Баадер). В Соединённых Штатах в ходе масштабных спецопераций убивают руководителей индейского сопротивления (Осада Вундед Ни) и афроамериканских активистов (“Чёрные пантеры”). В Латинской Америке вырезают под корень не только городских партизан, но и просто левых интеллектуалов (Чили, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Сальвадор).

Затем начинается показательное усмирение профсоюзов (многomesячное противостояние “железной леди” М. Тэтчер и английских шахтёров). Тихо умирают антивоенные движения. Компартии, лишившиеся исторической перспективы (и финансовой поддержки Москвы) самораспускаются. В политике верх одерживают консерваторы, в экономике – неолибералы. Глобализация охватывает весь мир, включая постсоветское пространство.

Американские социологи, авторы предисловия к книге “Долгий двадцатый век”, отмечают: “Политические ожидания общемирового поколения шестидесятников (разрядка моя. – А. К.) потерпели крах. Вместе со структурами XX века рухнули и структурные условия организации побежденных” (В кн.: Арриги Дж. Долгий двадцатый век... М., 2006).

Я сам сформировался под влиянием гуманистических устремлений 1968 года. Я помню, я сохранил в душе это веяние свободы, превращающее мир в мастерскую, где рождаются новые модели развития, новые, более справедливые и сердечные отношения между людьми.

Верность первого утверждения социологов я ощущаю всем существом. Со вторым категорически не согласен.

Человечество не может смириться с людоедством. С ситуацией, когда успешные и сильные поедают неудачливых и слабых. И не отдельных особей, а целые народы!

Трагическая ситуация 90-х подстегнула, ускорила поиски ДРУГОГО ПУТИ. Рождается новая дисциплина – альтернативистика. Книги, предлагающие разнообразные проекты развития, выходят лавиной. К сожалению, не в России. У нас можно выделить разве что содержательную работу И. Бестужева-Лады “Альтернативная цивилизация” (М., 2003). Одно из её достоинств – список зарубежной литературы по теме.

Оформляются политические контуры альтернативного пути. Это уже не раз упоминавшийся Консенсус Буэнос-Айреса, документы альтерглобалистских форумов в Порту-Алегри. Сюда же можно отнести выступления лидеров исламского мира М. Ахмади Нежада, М. Махатхира.

Протестное движение вновь опоясывает планету. И это отнюдь не бес- сильный протест слабых. Я уже писал в середине 90-х: слабые, соединив свои силы, обретают впечатляющую мощь. Одно за другим приходят к власти правительства, ответственные перед своими народами и отвергающие неолиберализм. Латиноамериканскому “левому повороту” принадлежит в этом ряду центральное место.

Рождается и новая форма организации масс. Место громоздких централизованных управленческих структур занимают организованные по горизонтали мобильные сети. С ними ничего не могут поделать ни западная полиция, ни наш ОМОН, ни ЦРУ, борющееся с “мусульманским экстремизмом”. Структуры возникают мгновенно – для решения конкретных задач и тут же исчезают, уступая место новым. Общее недовольство бесчеловечным миропорядком создаёт колоссальный мобилизационный ресурс. Он практически неисчерпаем.

Власти страшатся новых форм борьбы. Но они думают, что имеют дело только с изменившейся организацией протеста. Они ошибаются. На самом де-

ле мы являемся очевидцами возникновения парадигмы самоорганизации общества. Её ещё в 1980 году предрекала Мэрилин Фергюсон в бестселлере “Эра Водолея: личные и общественные трансформации в 80-х годах”.

В те же годы Аурелио Печчеи писал: “Я вижу огромное море людей – волны и потоки их бегут в самых разных направлениях, охватывающих всю планету. Это рядовые граждане мира, осознавшие, что настало время изменений. Они принадлежат к различным общественным группам, движимы самыми разными, разобщенными и, на первый взгляд, никак не связанными между собой целями. Это – инициаторы и участники движения за мир, различных освободительных движений, разнообразных групп, выступающих за охрану природы и защиту окружающей среды, эмансипацию женщин... Их много – молодых и старых, мужчин и женщин, – и всех их объединяет забота об общем благе, та моральная ответственность, которая для них важнее и значительнее всех других обязанностей. Движимые самыми высокими побуждениями, солдаты этой огромной армии по традиции весьма плохо экипированы; они выигрывают мелкие перестрелки и терпят поражения в крупных баталиях, что же касается больших столкновений стратегического характера, то тут их грубо топчут безжалостные башмаки консерваторов – и все-таки окончательная победа именно за ними, ибо они шагают в ногу с историей”.

Создатель Римского клуба оказался прав. Солдаты Нового Гуманизма одерживают победу. Прежде всего в ключевой организационной сфере. Властная вертикаль уступает место горизонтальной человеческой солидарности. Медленно – неумолимо. Современный русский мыслитель профессор Михаил Ильин отмечает: “В течение веков и тысячелетий преобладало... иерархическое управление и фактически – господство одного человека над другим (здесь и далее разрядка моя. – А. К.)... Постепенно... самоуправление стало обгонять в своём развитии, “теснить” прямое и одностороннее управление, включать его структуры в свою ткань”. Профессор констатирует: “Современность, как мы начинаем понимать только сейчас, сопряжена с созданием сферического пространства, где ни одна точка не может быть поставлена центром, но каждая способна в том или ином отношении, в течение того или иного времени, выступать в роли эквивалента центра для всех других” (“НГ-сценарии”, 29.01.2008).

Проще говоря, на наших глазах рождается более справедливый способ организации общества.

Возвращаясь к Венесуэле, следует подчеркнуть, что эти новации воплощаются здесь в политическую конкретику. Гибкую систему взаимодействия трех уровней демократии, спланивающих и мобилизующих народ на построение “Социализма XXI века”.

* * *

На этом можно было бы закончить главу. Но в нашем обществе сегодня, как никогда, сильно убеждение, будто идеология, да и вообще всё нематериальное, гроша ломаного не стоит.

– Нафантазировали вместе с вашими иностранцами, а на деле ничего не получится! Государство держится чем? Сильной рукой и сильной экономикой. А всякие горизонталы – вертикали, уровни демократии и прочая дребедень – это так, игрушки.

Понятно, того, кто всё знает заранее, а потому не склонен прислушиваться к аргументам, не переубедишь. Замечу одно: беспокоиться насчет материальной базы венесуэльских реформ не стоит. Новейшие данные геологоразведки показывают – страна обладает крупнейшими запасами нефти в мире (“Коммерсантъ”, 28.02.2007).

У нас об этом почему-то говорить не любят. Даже специалисты постоянно ставят на первое место Саудовскую Аравию, затем Ирак. Наверно, потому, что и ту, и другую страну контролируют американцы. Ещё бы! В этом наилучшем из миров все самое лучшее (и ценное!) должно принадлежать Соединённым Штатам. И уж во всяком случае, не улучшать экономические показатели злейшего врага Белого дома.

Но как бы то ни было прискорбно для американцев и наших западников, с природой не поспоришь. Нефтяные запасы Венесуэлы – 316 млрд баррелей, а Саудовской Аравии – 264 млрд (“Латинская Америка”, № 10, 2007). Венесуэла – углеводородный чемпион. С такими кладовыми черного золота любые идейные искания обретают твердую материальную основу.

Правда, расслабляться Чавесу не приходится. Соединённые Штаты нависают над Венесуэлой. В Латинской Америке прекрасно помнят и вторжение джи-ай в Панаму, и свержение социалистического правительства на Гренаде, и американскую поддержку никарагуанских контрас.

Главная угроза исходит от союзника номер один США – Колумбии. Она граничит с Венесуэлой и пользуется любым предлогом для обострения отношений. В случае войны Соединённые Штаты, несомненно, поддержат колумбийских “друзей демократии” в борьбе с “тоталитарным режимом” Чавеса.

Собственно, изобретать предлоги не требуется. В Колумбии несколько десятилетий идет гражданская война: правительственные войска сражаются с повстанцами марксистской группировки ФАРК. Красные партизаны не скрывают симпатий к красному президенту соседней страны. Чавес использует свое влияние для осуществления гуманитарных миссий. Он не раз посредничал при освобождении заложников. Однако колумбийское правительство и здесь усматривает “вмешательство” в свои внутренние дела и обвиняет Чавеса в поддержке повстанцев.

В начале 2008-го президент Венесуэлы способствовал освобождению из плена известного колумбийского политика – экс-сенатора Клары Рохас. В ответ на этот жест доброй воли власти Колумбии произвели налёт на лагерь повстанцев на границе с Эквадором и убили второго человека в иерархии ФАРК Рауля Рейеса (трудно избавиться от подозрения, что колумбийцы – с помощью электронной разведки США – проследили контакты венесуэльского руководителя с повстанцами, и нанесли удар). Инцидент чуть не привёл к войне Колумбии с Эквадором и Венесуэлой.

Под давлением лидеров других латиноамериканских стран президент Колумбии А. Урибе в конечном счёте вынужден был принести извинения Эквадору (“Время новостей”, 11.03.2008). И тут же начал раскручивать другой сюжет: якобы в компьютерах повстанцев обнаружены свидетельства поддержки ФАРК со стороны Эквадора, Венесуэлы, революционного движения Сальвадора и т. д. Ставленник Америки попытался замазать грязью чуть не все левое движение континента.

Американо-колумбийскому альянсу активно помогает Испания – главный партнер латиноамериканских стран в Европе. Испанские газеты писали о том, что “венесуэльские власти активно сотрудничают с ФАРК и поддерживают их деятельность по производству и распространению наркотиков” (материал из газеты “Паис” перепечатан в “Коммерсанте”: 17.12.2007). Когда это сообщение не вызвало взрыва негодования, газета “Эль Мундо” заявила, что “в Венесуэле проживают около 30 членов запрещенной баскской террористической группировки ЭТА” (перепечатка статьи: “Коммерсантъ”, 9.06.2008).

Не стоит забывать и о расчётливом оскорблении, которое испанский король Хуан Карлос, видный деятель мировой закулисы, нанес Чавесу во время прошлогоднего саммита Испания – Латинская Америка. Намеренно грубая реплика: “Почему бы тебе не заткнуться” могла погубить репутацию любого лидера, особенно на континенте, народы которого ценят мужской характер. Любого, но не Чавеса. Красный президент “сохранил лицо”. Удачно ответил королю, а спустя всего несколько дней выступил с очередной глобальной инициативой, умело переключив на нее внимание прессы.

Тем не менее в Венесуэле понимают серьезность своего положения и активно ищут союзников в мире. Подсчитано: только за начальные семь лет президентства Чавес провёл в зарубежных поездках 365 дней – полный год (“Время новостей”, 25.07.2006). Оппозиция упрекает за это президента. Но активная внешняя политика помогает ему создать сеть международных союзов, позволяющих устоять в противостоянии с Америкой и её сателлитами.

Прежде всего это латиноамериканские союзы. Венесуэла интегрирована в различные межгосударственные структуры. Первостепенное значение имеет “Боливарианская инициатива для обеих Америк”, созданная по предложению Чавеса и объединившая радикальные правительства континента – Венесуэлу, Боливию, Кубу и Никарагуа. Чавес предлагает не только сотрудничать

в сфере экономики, но и “объединить наши армии, наши флоты, воздушные силы, создать единую разведку” (“Независимая газета”, 29.01.2008).

Ключевое место занимает Венесуэла в нефтяном альянсе “Petrocaribe”, объединяющем 17 стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Чавес хочет создать ещё одну энергетическую организацию – экспортёров газа Южной Америки, куда, кроме Венесуэлы, должны войти Боливия, Бразилия и Аргентина. Глобальный проект, лежащий в основе союза, – Трансьюжноамериканский газопровод, циклопическое сооружение длиной 10 тысяч километров и стоимостью 20 миллиардов долларов (“Коммерсантъ”, 3.03.2007).

Кстати, Чавес предлагает привлечь к прокладке трубы нашу страну, так как “Россия обладает передовыми технологиями и огромным опытом в сфере добычи и транспортировки газа” (“Время новостей”, 21.07.2006). Нетрудно представить, какие прибыли это сулит Москве. Не говоря уже о политическом эффекте возвращения в Латинскую Америку.

Ну и, конечно, основой континентального сотрудничества является латиноамериканский общий рынок МЕРКОСУР, куда Венесуэла вступила полноправным членом в 2006 году. С присоединением Каракаса суммарный ВВП стран МЕРКОСУР достиг 1 трлн долл. (там же), что превращает эту организацию в субъект не только глобального рынка, но и глобальной политики.

Еще один круг союзников – это страны – лидеры антиимпериалистического сопротивления. Прежде всего Белоруссия и Иран. С М. Ахмади Нежадом у Чавеса установились столь тесные отношения, что свой 52-й день рождения венесуэльский президент отпраздновал в Тегеране. Ахмади Нежад посетил Каракас с ответным визитом, подчеркнув: “Сегодня мы не одиноки: Иран, Никарагуа и Венесуэла, а также другие революционные страны объединились, чтобы действовать сообща” (“Коммерсантъ”, 17.01.2007). В этой декларации помимо прочего, обращает на себя внимание характеристика Ирана как революционной державы. Что справедливо, несмотря на то, что в России, да и во всем мире режим в Тегеране принято считать “консервативным”.

Визиту в Каракас предшествовало посещение Ахмади Нежадом Гаваны, где он присутствовал на встрече глав Движения неприсоединения. Там иранский лидер получил столь нужную ему поддержку от 118 неприсоединившихся государств. В частности, они заявили о “неотъемлемом праве развивающихся стран развивать мирный атом” – тезис, подкрепляющий позицию Ирана в споре с США и Евросоюзом (“Коммерсантъ”, 15.09.2006).

Это у нас в Москве думают, что в мире ничего не происходит. Что по-прежнему действует правило: будет так, как скажут в Вашингтоне. Всё изменилось! В мире вновь создаётся “коалиция желающих”, на этот раз не под водительством США, а для сдерживания Америки.

То, что усилия по сближению Венесуэлы и Ирана не случайный эпизод, не дипломатическая эскапада, призванная раздражить Белый дом, доказывают планы по долгосрочному экономическому сотрудничеству. Тегеран открыл в Каракасе филиал государственного экспортного банка (его деятельность распространяется и на другие страны Латинской Америки). Иран готов построить для Венесуэлы танкеры. В 2007 году в Тегеране прошла представительная конференция “Латинская Америка: её роль и положение в будущем мировом порядке”.

В загашнике у Ахмади Нежада и Чавеса планы создания газового картеля, своего рода газового “ОПЕК”. Образование картеля невозможно без участия России, а она пока не склонна поддерживать эту инициативу. Однако даже сама идея объединения экспортёров газа приводит в ужас страны Запада.

Интенсивно развиваются связи Венесуэлы с Белоруссией. Летом 2006-го Чавес посетил Минск, где дружески общался с Александром Лукашенко, человеком, близким ему по темпераменту и взглядам. “Мы вместе должны создать команду. Это будет боевая команда”, – пошутил Чавес, имея в виду общий интерес двух президентов к спорту (“Время новостей”, 25.07.2006).

Разумеется, не только хорошая спортивная форма лидеров объединяет Венесуэлу и Белоруссию. Чавеса интересуют разработки белорусского ВПК, который сберег и развил технологический задел советского периода. Президент Венесуэлы пригласил белорусских нефтяников к совместной разработке нефтяных месторождений в районе реки Ориноко. Что, помимо прочего,

должно помочь Лукашенко найти валюту для оплаты растущей цены российского газа (“Независимая газета”, 25.01.2007).

Особые надежды в Венесуэле возлагают на партнерство с Россией и Китаем, которое иначе, как стратегическим не называют. Чавес неизменно поддерживает Россию – по вопросам размещения американской ПРО в Восточной Европе, признания территориальной целостности Сербии. Венесуэльский лидер высоко оценил мюнхенскую речь Путина: “...В ответ на действия Вашингтона руководитель России, который называет вещи своими именами, встал на защиту всего мира” (“Коммерсантъ”, 8.06.2007).

Чавес привозит в Москву не только порции комплиментов. Он готов щедро делиться контрактами на разработку венесуэльских нефти и газа. В стране рады видеть и наших металлургов.

Но прежде всего Чавес заинтересован в поставках российского оружия. “Наш ВПК, – отмечает “Московский комсомолец”, – получил чуть ли не самого благодарного покупателя” (“МК”, 28.06.2007). Только поставки 24 истребителей Су-30 принесли России 1,5 млрд долл. Ещё 0,5 млрд – наших вертолётов. Контракт на покупку противоздушных ракет “Тор” оценивается в 0,3 млрд (“Независимая газета”, 30.01.2007). В ближайших планах приобретение 9 подводных лодок. В 2005–2007 годах Венесуэла закупила у России вооружений на сумму 3,4 млрд долл. И вышла на второе место среди покупателей российского оружия (“Коммерсантъ”, 17.06.2007).

Понятно, эти сделки отвечают национальным интересам Венесуэлы. Чавес как опытный военный создаёт линию обороны против возможного вторжения США. Ракеты должны защитить столицу от бомбардировок, подводные лодки – перерезать морские коммуникации, сделав невозможным высадку десанта, подвоз вооружений и боеприпасов.

Но и России такое сотрудничество, безусловно, выгодно. Особенно в период, когда традиционные покупатели продукции отечественного ВПК – Индия и Китай не спешат заключать новые контракты: российская техника уже не может конкурировать с новейшими западными образцами. Скандальный отказ Алжира принять наши истребители и вовсе подорвал имидж России как передовой военно-промышленной державы.

Казалось бы, Чавеса должны встречать в Москве с распростертыми объятьями. Выходит по-иному. В июне 2007 года статус его визита был демонстративно понижен: встреча венесуэльского президента с Путиным была объявлена “неформальной” (“Коммерсантъ”, 28.06.2007). Тогда же имели место отвратительные препирательства по поводу того, какую аудиторию в Госдуме предоставить для выступления Чавеса. Коммунисты и депутаты от ЛДПР настаивали: это должен быть зал пленарных заседаний. “Единая Россия” согласилась выделить только небольшую аудиторию на 180 мест. “Что, боимся страшного и ужасного господина Буша?” – процитировал “МК” вопрос депутата Овсянникова. И сам же дал ответ: “Все прекрасно понимали, что именно этого” (“МК”, 26.06.2007).

Впрочем, сама газета отреагировала на визит красного президента хамским заголовком “И-го-го! Чавес” (“МК”, 30.06.2007). А политический обозреватель “Комсомольца” глубокомысленно рассуждал: “Наши шашни (так!) с “другом Уго” – один из немногих козырей Москвы в нынешних геополитических торгах с США. Когда-нибудь та или иная программа поставки оружия в Венесуэлу в принципе может стать объектом размена (разрядка моя. – А. К.) на что-нибудь более значимое для Кремля” (“МК”, 28.06.2007).

В “исламских главах” “Возвращения масс” я уже приводил мнение российских газетчиков и политиков, что Москве выгодно сорвать строительство атомной электростанции в иранском Бушере, чтобы в обмен выпросить у США какие-либо преференции (“Наш современник”, № 7, 2007). Как видим, те же планы существуют и в отношении Венесуэлы. А также Белоруссии, Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии. Стоит ли после этого удивляться, что Россия катастрофически теряет союзников, да и политическое влияние в мире?

Можно предположить, что при новом президенте события будут развиваться по озвученному “МК” сценарию. Во всяком случае, намечавшийся на

март 2008-го визит Чавеса к Медведеву был сорван*. Вместо венесуэльского президента в Москве принимали вице-президента Колумбии. Комментируя это экстраординарное событие, “Коммерсантъ” противопоставлял “сомнительное сотрудничество” с Венесуэлой “практическим связям с умеренно правым проамериканским режимом” Колумбии (“Коммерсантъ”, 4.06.2008). При этом, руководствуясь абсурдной логикой, газета российского бизнеса утверждала, что “от изменения курса авторитет России в Латинской Америке значительно возрастёт”. Зная об отношении левых правительств к Урибе, можно было бы посмеяться над подобными предположениями. Если бы они не свидетельствовали об отказе России от защиты национальных интересов.

По-иному складываются отношения Венесуэлы с Китаем. “Красный дракон” выстраивает связи с Каракасом и другими латиноамериканскими столицами планомерно, с дальним прицелом, с размахом.

Центром для выработки стратегии стал Институт латиноамериканских исследований. Один из его руководителей Цзян Шисюэ прямо заявляет: “Во-первых, Китай считает политически необходимым поддерживать Латинскую Америку в борьбе за установление справедливого мирового порядка. Во-вторых, чтобы уменьшить торговую зависимость от Соединённых Штатов и других развитых стран, Китай стремится развивать экономические отношения с латиноамериканскими государствами. Не менее важна для Китая возможность получения доступа к богатым природным ресурсам Латинской Америки, что позволило бы решить многие неотложные проблемы” (“Латинская Америка”, № 1, 2004).

Стройная, всесторонне продуманная программа. Доводилось ли вам, читатель, слышать нечто подобное из уст российских чиновников?

Из КНР в страны Латинской Америки едут тысячи технических специалистов. А навстречу им в китайские университеты устремляется поток южноамериканских студентов. Говорят, их напутствуют словами: “Смотрите, учитесь там хорошенько, ведь Китай – наше будущее” (“Коммерсантъ”, 24.08.2006).

Только в 2004 году во время визита в Пекин Чавес заключил 8 соглашений в экономической и технической сферах. Китайцы открыли кредитную линию для закупки сельхозоборудования. Предоставлен кредит и для финансирования жилищного строительства. Китай превратился в крупнейшего торгового-экономического партнёра Венесуэлы за пределами Латинской Америки.

Последующие встречи на высшем уровне принесли ещё более впечатляющие результаты. В 2006 году был подписан контракт на строительство в Венесуэле 20 тысяч домов. Сумма – 1,2 млрд долл., причём 75% строительных расходов китайская сторона взяла на себя. Другое соглашение предусматривает прокладку железных дорог и ирригационных систем (“Коммерсантъ”, 24.08.2006).

Но главное в венесуэльско-китайской торговле – нефть. Пекин опасается агрессии США против Ирана, откуда он получает 20% необходимой нефти. Чавес готов восполнить все возможные потери. Экспорт нефти в КНР планируется увеличить с нынешних 150 тыс. баррелей в сутки до одного миллиона баррелей в 2012 году. Таким образом, Венесуэла обеспечит 20% китайских потребностей. Одновременно этот шаг нанесёт болезненный удар по американской экономике: часть поставок, идущих сегодня в США, будет переориентирована на Поднебесную.

Под эти амбициозные цели Чавес закупает у Пекина целый танкерный флот (42 судна), а также 12 установок для бурения нефтяных скважин.

В свою очередь Пекин спрямляет пути венесуэльских поставок. В прямом смысле слова. Это связано с интригой, о которой полезно будет знать российским читателям.

В 1999 году США окончательно передали контроль над Панамским каналом правительству Панамы. Канал – самая удобная транспортная артерия из Америки в Азию. Панама тут же объявила тендер на управление портами канала. Его выиграла – внимание! – гонконгская фирма, владельцем которой является Ли Цзячэн – самый богатый человек в Восточной Азии. Гонконгский бизнесмен пролоббировал проект модернизации канала. В 2011 году по нему смогут проходить супертанкеры водоизмещением 300 тыс. тонн. Вспомним

* В конце июля 2008-го Чавес всё-таки посетил Москву.

о 2012 году, когда экспорт венесуэльской нефти в Китай достигнет максимума. А теперь сложим два и два, как говорят китайцы.

Столь же интенсивно развиваются связи Китая с крупнейшей страной Латинской Америки – Бразилией. Западные эксперты уже давно заговорили о том, что президент из рабочих – Лула “может подтолкнуть регион к “опасному” стратегическому партнёрству с Китаем” (“Латинская Америка”, № 12, 2002).

Последнее время Лулу принято противопоставлять Чавесу как “прагматика” “экстремисту”. Думаю, такая схема беспочвенна. Ещё будучи лидером оппозиции, Лула, по утверждению Э. Дабагяна, “с чувством восхищения отзывался о специфике венесуэльского феномена”. Став президентом, он выручил Чавеса в самый трудный для него момент. Когда многомесячная забастовка нефтяников оставила Венесуэлу без топлива, Бразилия послала в Каракас танкеры с нефтью (Дабагян Э. Уго Чавес: политический портрет. М., 2005). Да и в недавнем конфликте Чавеса с Урибе именно Лула сыграл роль миротворца, позволив Венесуэле избежать войны и возможного вторжения американцев.

Другое дело, что бразильский президент не пошёл на столь радикальные реформы, как его венесуэльский коллега. За это Лулу хвалят на Западе и ругательно ругают в рядах его собственной Партии трудящихся (“Латинская Америка”, № 5, 2003). В мою задачу не входит анализ ситуации в Бразилии, но я хочу сказать несколько слов о Луле, чтобы подчеркнуть: Чавес не одинок.

Проблема не в том, что пути двух лидеров Латинской Америки разошлись, а в том, что ситуация в Бразилии коренным образом отличается от венесуэльской. Во-первых, масштабы страны не сравнить с венесуэльскими. Бразилия – это не просто огромная территория (пятая в мире по размеру). Это федерация из 23 штатов, трёх так называемых территорий и одного округа. В большинстве из них у власти находится буржуазная оппозиция. Как она может отреагировать на радикальные реформы, показывает пример соседней Боливии, где возглавляемые губернаторами-оппозиционерами провинции поставили страну на грань раскола. Лула этого допустить не может.

Во-вторых, бразильцам есть что терять. В 30–40-е годы страна провела индустриализацию. Сегодня Бразилия – развитое государство, входящее в десятку крупнейших экономик планеты. Бразильские самолёты покупают по всему миру, в том числе и в России. Развивается космическая отрасль. Выделяются огромные деньги на развитие науки. Резкий разворот в политике и экономике может обрушить эти достижения.

Наконец, Луле удалось найти опору в бразильском бизнесе. Трижды предприниматели отвергали кандидата рабочих. Во время экономического кризиса они приняли его, потому что их экономические интересы пришли в столкновение с интересами американских монополий. Бизнес оказался заинтересован в том, чтобы высший пост в стране занял боевой политик с антиамериканскими взглядами. Национальный капитал дал Луле простор для маневра. И президент не хочет лишиться его.

Вот почему Лула “не поспевает” за Чавесом. Но он ни в коем случае не уводит Бразилию в противоположном направлении. Мы уже говорили о программах по борьбе с голодом, созданию рабочих мест, строительству доступного жилья, которые развернулись с приходом Лулы.

Схожие подходы Лула и Чавес демонстрируют во внешней политике. Бразильский президент, правда, воздерживается от открытых нападок на Буша. Но именно Лула окончательно похоронил продвигаемую Вашингтоном идею общего рынка обеих Америк – АЛКА. Проект грозил поставить Латинскую Америку под экономический контроль Соединённых Штатов. В противовес АЛКА Лула развивает сотрудничество южноамериканских государств в рамках объединения МЕРКОСУР.

Приоритетная внешнеполитическая задача бразильского президента – создание “пула великих развивающихся стран – Бразилии, России, Индии и Китая” (“Латинская Америка”, № 2, 2006). Он немало сделал для её реализации. В том числе с помощью укрепления экономических связей. Объём торговли Бразилии с Китаем, Индией, а также ЮАР вырос в 6,8 раза (“Коммерсантъ”, 15.09.2006).

Этот результат – больше чем ситуативный успех в деле создания неформального “пула”. Само возникновение БРИК знаменует переориентацию

цию международных связей. Если раньше они развивались по линии “Запад–Юг”, то сегодня по линии “Юг–Восток” и “Юг–Юг”. Торговля и кооперация развивающихся стран между собою оказались более перспективными, чем их связи с западным миром.

Это вынуждены признать и на Западе. Питер Мандельсон, комиссар Евросоюза по торговле, в сенсационной статье указал на “фундаментальный переток экономической мощи с Запада на Восток”. Его заключение: “Атлантический мир больше не является центром мира экономического, потому что у мира больше нет центра” (“Независимая газета”, 17.06.2008). Вспомним о “сферическом пространстве” Михаила Ильина. Это тот случай, когда практик подтверждает схему теоретика.

Впрочем, другой теоретик – знаменитый Гундер Франк считает, что центр просто смещается с Запада на Восток. Ещё в 1991 году он издал книгу с манифестарным заголовком “ReOrient: global economy in the Asian Age” (привожу название на английском, потому что русский перевод до сих пор не сделан).

Было бы предельно близоруко в этой связи говорить только об экономических показателях. А они, между прочим, ошеломляют: Китай почти догнал США по ВВП, исчисляемому по паритету покупательной способности. У США – 13,2 трлн долл., у Китая – 10,04. На третьем месте Индия – 4,24, и лишь за ней Япония – 4,2 и Германия – 2,57 (“Коммерсантъ”, 25.07.2007).

Очевидно, что со сменой экономических лидеров меняются и цивилизационная, и социальная парадигмы. Кстати, Мандельсон признаёт это, отмечая, что победу в конкурентной борьбе одерживают страны с социально ориентированной экономикой. Нам так долго внушали, что социальные задачи лишь мёртвый груз, отягощающий экономику, что от ответственности перед обществом необходимо избавиться для рывка вперёд. И вот выясняется: всё наоборот! Людоеды-неолибералы не конкурентоспособны. Социальные государства одерживают верх.

Прежде всего это относится, конечно, к Китаю и Индии. Но также и к Латинской Америке, которая в последние годы демонстрирует рекордные показатели роста. На наших глазах альтернатива западному развитию из замысла, из идеологического проекта превращается в реальность.

Напоследок информация к размышлению: из стран БРИК только в России у власти неолибералы. В Китае правит КПК, в Индии и Бразилии – социалисты. Мы явно выбиваемся из мирового тренда. Как бы России и вовсе не выпасть из группы амбициозных претендентов на мировое лидерство.

О проблемах нашей страны мы поговорим в последней, четвёртой части “Возвращения масс”.

(Продолжение следует)